

- 36 Louis Fischer, *The Soviets in the World Affairs*, (Princeton: Princeton University Press, 1951), II: 534-37; Sir Fitzroy Maclean, *To the Back of Beyond* (London: Cape, 1974), 119-121.
- 37 Академик Бартольд. Сочинения. М., Изд-во восточной литературы, 1963, т.2, стр. 164-166, 345-350.
- 38 Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921; содержит статьи Г.В.Флоровского, Романа Якобсона, П.П.Савчинского, П.Н. Савицкого и Н.С.Трубецкого. Ниже перечисляются основные работы о евразийцах: D.S. Mirsky, "The Eurasian Movement, *The Slavonic and East European Review*" (1927), 311-320; Otto Boss, *Die Lehre der Eurasier* (Wiesbaden: Harrasowitz, 1961); Н. А. Stammler, "Europe-Russland-Asian. Der 'eurasische' Deutungsversuch der russischen Geschichte," *Osteuropa* 12 (1962), 521-528; Gerges Nivat, "Du Panmongolisme au mouvement eurasiens," *Cahiers du monde Russe et Soviétique* 7/3 (1966), 460-78; Nicholas V. Riasanovsky, "The Emergence of Eurasians," *California Slavic Studies* 4 (1967), 39-72.
- 39 Н.С. Трубецкой. Европа и человечество. София, 1920; Mirsky, "The Eurasian Movement" (1927), 312-13; V. Riasanovsky, "Emergence of Eurasians" (1967), 56; Leonid Luks, "Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang," *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas* 34 (1986), 374-395.
- 40 П.Н. Савицкий. Геополитические заметки по русской истории. — В: Г.В. Вернадский. Начертание русской истории. Прага, 1927, стр. 234-260; см. также П.Н.Савицкий. Географические особенности России. 2 тт., Прага, 1927; он же. Россия — особый географический мир. Париж, 1927. Charles Halperin, "Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism," *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte* 36 (1985), 55-194, and *Slavic Studies* 41 (1982), 477-493.
- 41 Г.В. Вернадский. Указ. соч., стр. 230-231, 259-260; Charles Halperin. *Op.cit.*, pp. 99-104.
- 42 V. Riasanovsky, "The Emergence of Eurasians", *California Slavic Studies* 4 (1967).
- 43 Н. Carrere d'Encausse, *Decline of an Empire: The Soviet Socialist Republics in Revolt* (New York: Harper, 1981), 13-46.

ПРОДВИЖЕНИЕ РОССИИ К ЮГУ

РОССИЙСКИЕ ПРОСТОРЫ

Неразрешимые проблемы слияния рас в огромном многонациональном конгломерате, называемом Российской (а позднее советской) евразийской империей, еще более обостряются в географических понятиях — в труднейшем пространственном дисбалансе, довлеющим над общим геостратегическим положением империи.

Метафорически упрощая, историю Российской империи подчас сводят к "трагической одержимости простором" или к "трагическому дару пространства"¹ Согласно этим представлениям, русских — и как обороняющихся, и как агрессоров, постоянно и неудержимо влекли огромные пространства Евразии. Русские гордятся тем, что в их гигантской сухопутной твердыне можно разместить 2-3 Америки, 40 Франций и 93 Великобритании² Между 1600 и 1900 гг. к Российской империи добавилось в общей сложности 17 млн. квадратных километров новых территорий, в среднем, по 57 тыс. квадратных километров ежегодно.³ Исходя из этого, нетрудно придти к заключению, что география и в самом деле оказывала "всестороннее влияние на русское и советское восприятие Азии"⁴

Таким образом, географический фактор играет огромную роль в истории русского народа,⁵ особенно в связи с чрезмерным увлечением империалистической России пространствами и территориями. Две географические особенности отличают Россию. Первая — это однообразие рельефа местности, монотонность ландшафта, позволившая центральной политической власти поддерживать и распространять свой контроль по линии великих речных путей, тянувшихся по оси север-юг. Такой контроль облегчал движение товаров, колонистов и войск⁶ По словам выдающегося историка Ключевского, экспансия Москвы может рассматриваться как возвышение центростремительной силы, захватившей контроль над истоками четырех рек в

центральной России, а затем и контроль над доступом к четырем морям — Балтийскому, Белому, Черному и Каспийскому.⁷

Второе обстоятельство — что движение русских на Восток из-за крайне тяжелых климатических условий северной половины Евразии могло идти лишь по узкой полосе вдоль южной окраины Сибири, которая сама по себе была крупнейшей в мире незаселенной территорией. С 90-х годов XIX века этот узкий коридор, пролегающий по линии Запад-Восток, в котором поселенцы из европейской России вскоре превзошли по численности редкое автохтонное население тюрко-монгольского происхождения, начинает отождествляться со стальной колеей Транссибирской магистрали, без которой европеизация русской Азии была бы невозможной. К северу от этого коридора климат слишком холоден для сельского хозяйства; к югу от него сельское хозяйство требует орошения.

Однако чем глубже проникает русская экспансия в Азию, тем проблематичнее становятся все варианты геостратегии. Обретение амурского пограничья усиливает неизбежный антагонизм между русскими и "желтой опасностью", воплощаемой Японией и Китаем. Другая зона потенциального конфликта возникает в 60-е годы XIX века вдоль южной террасы Средней Азии в результате завоевания русскими Туркестана. Это становится яблоком раздора в англо-российском соперничестве. В случае военной необходимости российское государство из-за плохих средств сообщения и огромных расстояний не смогло бы разместить равные ресурсы на обеих территориях одновременно. Вплоть до конца 1880-х годов правительство не приняло решения, какой территории отдать предпочтение — Дальнему Востоку или Средней Азии. Эта дилемма осталась и после завершения (около 1905 г.) двух важнейших стратегических железных дорог — Транссибирской дороги и линии Оренбург-Ташкент, которые коренным образом улучшили боевую готовность России в этом регионе.

Решение о строительстве Великой Транссибирской магистрали (1891-1904 гг.) было подтверждением непрек-

лонной решимости России удержать свои дальневосточные владения. Это было уже продемонстрировано в 1860 г. основанием Владивостока ("владельца Востока") — главной русской крепости на тихоокеанском побережье. Значение оси Запад-Восток, отождествлявшейся со стратегическим коридором, который создала новая трансконтинентальная трасса, подверглось критическому испытанию в ходе русско-японской войны (1904-1905 гг.). Поражение в войне преподало русским стратегам горький урок: с тех пор их преследует травма войны на два фронта — на противоположных окраинах Евразии. К тому же Средняя Азия, расположенная на полпути между крепостями Европейской России и тихоокеанским побережьем, легко может превратиться в третий фронт. Возникло и видение четвертого фронта внутри империи в случае взрыва национальных и социальных конфликтов, результат которых предсказать никак невозможно — это показали события 1905 и 1917 гг.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ: ЧТО ТАКОЕ СРЕДНЯЯ АЗИЯ?

Чтобы лучше понять русскую стратегию в Средней Азии, следует разъяснить сущность различий в традициях русского и западного картографического проецирования. В последние 400 лет взгляды Запада определялись преобладающим типом картографической цилиндрической проекции — производной проекции Земли, разработанной в XVI веке голландским картографом Герардом Меркатором (1512-1594 гг.). Такие карты дают значительное искажение на плоскости в высших широтах над экватором; таким образом, широты, проходящие вдоль русской евразийской империи, оказались раздвинутыми. Русские же смотрели на Среднюю Азию "сверху вниз", с севера. Для такого взгляда больше подходит азимутальная (полярная) проекция с опорой на северное полушарие. Подобную проекцию применил Р.Е. Гаррисон в атласе журнала "Форчун", изданном в годы второй мировой войны.⁸

В эти же годы, то есть в годы второй мировой войны, начертание Средней и Южной Азии и Среднего Востока было произвольно нарушено ради временных удобств воен-

ного командования. Англичане создали средневосточное командование со штабом в Каире; под эгидой этого командования оказались не только страны Магриба и собственно аравийский полуостров, но и Иран, Персидский залив, Турция, Греция и Кипр на севере, Судан и Восточная Африка — на юге. Более того, территория средневосточного командования неосмотрительно перекрывалась территорией индийского командования, претендовавшего на власть над огромным регионом от Гонконга до Египта, включая Индийский океан.

Русские длительное время рассматривали Среднюю Азию как часть Среднего Востока — промежуточной территории между Ближним Востоком, протянувшимся от Магриба до Персидского залива, и Дальним Востоком — территорией вдоль Тихого океана. При таком взгляде Средний Восток воспринимается как великая разделяющая территория между Кавказом и Персидским заливом, которая не только географически отделяет бассейн Черного и Средиземного морей от Каспийского моря и Индийского океана, но и является великим историческим водоразделом между Османским миром и мирами Ирана и Индии. Представляется, что взгляд на юг и на восток с некой наблюдательной площадки в Кремле вполне оправдывал это деление Востока на три региона.⁹

Менее ясным представляется ответ на вопрос, как далеко на восток и на юг простираются Средняя Азия и Средний Восток, и какую часть Индийского субконтинента, на который претендовала Великобритания, рассматривают русские географы как органическую часть этих регионов. Монголия обычно рассматривалась как восточная граница русской Средней Азии (здесь, впрочем, не было четкой демаркационной линии); однако весь Туркестан (персидский, "русский", афганский и китайский) безоговорочно рассматривался как естественная сфера русских территориальных претензий. Одновременно с термином "Средняя Азия" русские географы начинают пользоваться франко-германским понятием "Центральная Азия", впервые появившимся в трудах путешественника и ученого Александра Гумбольдта, побывавшего здесь в 1829 г. В несколько суженном смысле

этот термин обозначает все территории Средней Азии, не имеющие выхода к морю, которые в дальнейшем были включены в русские евразийские срединные земли. Только в геоэтническом термине "Внутренняя Азия", находящемся вне сферы геополитики и прилагаемом к полосе Туркестана и Монголии примерно между сороковым и пятидесятым градусами северной широты, можно найти достаточно близкое соответствие западному понятию Внутренней Азии.¹⁰

В терминах физической географии Средняя Азия может быть описана как "сердцевина Азии, наиболее удаленная от мировых океанов и расположенная в центре величайшего сухопутного массива в мире."¹¹ Русские географы эпохи империализма были склонны видеть в Средней Азии часть сдвоенного Евразийского континента. Если смотреть более широко на то, что можно бы было назвать расширенной Средней Азией, т.е. на культурный регион, отличный как от Среднего Востока, так и от Южной Азии (оставим в стороне отдельные наложения, вызванные установившимися политическими границами), то перед нами оказывается значительно больший регион, протянувшийся в широтном направлении, но южнее — от Монголии до Каспийского моря и восточной Турции.¹² Его срединной частью по-прежнему остается тот же Туркестан, весьма напоминающий по составу недолговечную (1360-1405 гг.) империю Тамерлана и делящийся на три субрегиона: древнюю Согдиану (по-латыни Трансоксания, по-арабски — Мауран-нахр), с которой связаны Хорезм и Хорасан; Джеты-су (Семиречье), и Восточный Туркестан (Синьцзян или Кашгария). Этот центрально-азиатский регион характеризуется несколькими столетиями исламских культурно-этнических структур и родовых сходств ирано-тюркских и монгольских народов, которые распространились от внутренней Азии до Средиземного моря и от Сибири до Индийского океана. Русский элемент, сначала казаки-искатели приключений и охотники за пушниной, а затем сельскохозяйственные поселенцы, начиная с XVI в. проникает в Сибирь, за преграду Уральских гор. Дважды веками позднее русское проникновение и миграция

обращаются к югу — к киргизским степям и Туркестану: "Дар-уль-ислам" ("мир ислама") все больше становится "Дар-уль-харб" ("миром войн").

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В принципе всегда существовали три основных исторических маршрута русской экспансии в Азии, и каждый вариант создавал свой круг геополитических проблем. Старейшим был северо-восточный маршрут, движение по которому начала еще Новгородская республика до ее поглощения Московским княжеством. Единственный сторонник этого пути сегодня — Александр Солженицын.¹³ Два других маршрута также сложны, но все же более пригодны для продвижения поселенцев и войск. Когда казаки перешли Волгу и уральские горы, они смогли следовать далее по старому "Сибирскому тракту" через Иртыш и озеро Байкал и вдоль Амура — к Тихому океану; они могли также свернуть южнее и идти по более короткому "Оренбургскому тракту" к Аральскому морю, Амударье и Сырдарье — в сердце Туркестана.¹⁴

Британские и русские авторы эпохи империализма, стремясь обосновать претензии своих правительств к Средней Азии историческими экскурсами, нередко ссылались на империи, которые в прошлом возникали на центральной сцене срединной Евразии и которые нередко в торгались на Индийский субконтинент. Они часто делали выводы из военных кампаний Александра Великого, Чингисхана, Тамерлана и Бабура и из последней по времени попытки персидского Надир-шаха (первая треть XVIII века) создать самодовлеющую среднеазиатскую империю. За четыре тысячи лет, по подсчетам этих авторов, было предпринято около двадцати крупных вторжений в Индию. Поскольку других путей продвижения не было, все нашествия направлялись по осевой территории, расположенной в сердце Средней Азии между историческим Тураном, Ираном и Хиндом, с XVIII века известным под названием Афганистан.¹⁵

В связи с активизацией англо-российского соперни-

чества за подступы к индо-персидскому коридору, которое известно под романтическим названием "Большой игры" (или "Большой охоты"), русское определение Средней Азии начинает совпадать с британским. Так, видный русский военный географ и востоковед генерал Андрей Снесарев в работе "Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе" включает в Среднюю Азию следующие территории: "наш" Туркестан, Хива, Бухара, северная Индия, Кашгария, Памир, Тибет, Афганистан, Белуджистан и Восточная Персия.¹⁶ Понятно, что определение Снесарева логически вытекает из стремления России получить доступ к Персидскому заливу, ибо это дало бы возможность ликвидировать геополитическое неудобство — отсутствие подхода к "теплым морям" на южной окраине евроазиатской Российской империи. Однако при любом обсуждении "главного фактора" неизбежно следовало иметь в виду Афганистан, который за тысячелетия приобрел свое печально известное стратегическое значение, потому что, как отмечает Снесарев, цитируя индийского историка XVI в. Абу-Фазл-и-алами, "Афганистан — ворота в Индию".¹⁷

Впервые конфликт России и Англии по поводу Индии возник еще во время наполеоновских войн, до начала эпохи "Большой игры". Этот период европейской и мировой истории характеризуется возникновением первой современной сверхдержавы с глобальными устремлениями. Наиболее упорным противником Наполеона была Великобритания, которая создавала свою колониальную империю за морями, но не могла в одиночку противостоять Франции на континенте. Для Наполеона оказалось невозможным пересечь 35-километровый пролив между Дувром и Кале, чтобы нанести поражение Англии. Наполеон, увлекаемый загадочным Востоком вообще и Египтом в частности, под влиянием исторического исследования европейской колониальной экспансии в Индии и Америке, проведенного аббатом Рейналем (1770 г.), отказался от прямой угрозы Британским островам, однако угрожал наступлением на формирующуюся в Индии Британскую заморскую империю, создавая новую геополитическую опасность. Сто пятьдесят лет спустя этим регионом заинтересовался и Гитлер.¹⁸

В течение десяти лет (1798-1808 гг.) Наполеон упрямо держался идеи нанести поражение Великобритании и Индии. Ранним вариантом этой идеи было следование по пути Александра Великого — Египетская кампания; здесь он едва добрался до Сирии. Двамя годами позже Наполеон развернул еще более амбициозный план прямого вторжения в Индию посредством совместной франко-русской военной кампании (французское войско — 35 тыс., регулярных русских войск — 25 тыс., казаков — 10 тыс.). От Астрабада на южной оконечности Каспийского моря союзная армия вторжения должна была через Герат и Кандагар дойти до реки Инд за фантастический срок — 45 дней; это лишь свидетельствует о полном невежестве европейцев в географии Средней Азии.

Французский отряд еще не начал двигаться к Индии, когда русский император Павел I в январе 1801 г. приказал генералу Орлову двинуть донских казаков в индийском направлении. Вскоре, однако, убийство Павла остановило первый российский поход на Индию, который Снесарев называл психопатическим стратегическим и политическим донкихотством.¹⁹ В связи с неудачной попыткой убедить сына Павла Александра I принять участие в индийском плане Наполеон попытался осуществить второй и последний его индийский замысел (1807 г.) — сначала проникнуть в Персию посредством французской военной миссии генерала Гардана, а затем призвать на помощь Россию. Однако Великобритания успешно противодействовала этому плану, послав в следующем году в Афганистан и Персию миссию военных советников под командованием Монстюарта Эль-финстона, одного из самых способных администраторов Индии. И ей удалось предотвратить намечавшуюся угрозу.²⁰

Любопытный аспект неудавшегося плана Наполеона состоит не только в том, что он первый начал угрожать британцам еще до русской угрозы вторжения в Индию; существует поразительное сходство между этим европейским планом вторжения в Индию по суше и той стратегической альтернативой, которая была разработана в гитлеровской Германии в 1939-1940 гг.

ГЕНЕРАЛ СНЕСАРЕВ И СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ВОПРОС

Даже сегодня место Андрея Евгеньевича Снесарева (1865—1937 гг.) в русском востоковедении и стратегическом мышлении представляется совершенно особым, хотя западные авторы почти не упоминают его имени. Мы говорим о нем по двум причинам. Снесарев являет собой пример замечательного сочетания востоковеда и военного стратега в одном лице. Он говорил на четырнадцати языках и службу проходил в основном в Туркестане, много путешествуя по всей Средней Азии. В 1899 г. он провёл семь месяцев в Индии, участвуя в русской военной миссии генерал-полковника А.А.Половцева; в Симле он был представлен лорду Керзону, с которым обсуждал среднеазиатские проблемы.²¹ После ряда штабных и академических назначений Снесарев дослужился до звания генерал-лейтенанта и в первую мировую войну командовал армейским корпусом.

Мы упоминаем Снесарева еще и потому, что он совершенно особым образом воплотил преемственность русской геополитической традиции в отношении Средней Азии. Как уже отмечалось, эта преемственность основана на глубоко укоренившемся восприятии Индии как основы и среднеазиатского вопроса, и проблемы англо-российского соперничества во всем ее комплексе. Все другие регионы и страны, полукругом охватывающие Британскую Индию, Снесарев рассматривал как естественные стратегические буферные зоны. Он был убежден, что пока Индия остается важнейшим владением Британской империи (а на протяжении его жизни дело обстояло именно так) или до тех пор, пока Россией правят цари или большевики, такой стратегический подход будет вполне оправдан. Следовательно, доказывал Снесарев, Индия должна стать важнейшим фактором и для русской Евразии; Россия должна отвергнуть британскую гегемонию и вести более агрессивную политику в Средней Азии. "Мы, русские, должны диктовать нашу волю британцам," — заявил он в лекции, прочитанной весьма влиятельной аудитории в Петербурге. — "Недалеко от нас, по ту сторону покрытой снегами грозной

цепи Гиндукуша, лежит Индия — становой хребет Британской империи, а может быть, и ключ ко всему миру.²²

Снесарев был также убежден, что историческая миссия России — выйти к теплым водам Индийского океана, непрерывно испытывая прочность оборонительных линий на севере и на западе Индии. В ранней военно-географической работе о Северо-Индийском театре он размышляет о будущей игровой площадке военных действий с высоты воображаемого наблюдательного пункта, расположенного на Памирском плоскогорье — "крыше мира". Раздумывая о путях продвижения прежних завоевателей Индии, чьи деяния в военном контексте он изучал в мельчайших деталях, Снесарев горько сожалеет, что Россия не овладела стратегически важным Ваханским перевалом, чтобы не дать британцам захватить Читрал.²³ Если бы не агрессивная британская дипломатия и ее политика аннексий в северо-западной Индии, марш русских вниз, к теплым водам Индийского океана, прошел бы без помех. "Сначала мы продвигались по Средней Азии со скоростью и энергией, свойственной великой державе, — пишет он. — Но с того момента, как англичане встали у нас на пути..., мы безнадежно застряли на Амударье, остановившись за несколько сотен верст от океана"²⁴

Вера Снесарева в историческую миссию России в Средней Азии была настолько велика, что он не заметил коренного изменения в геополитическом положении России после большевистской революции. В соответствии с новой стратегией Москвы на Востоке, большевики решают (после неудачных попыток в Западной Европе) переключить коммунистическую подрывную деятельность и идеологическую работу на проникновение в колониальную Азию, в особенности в Британскую Индию (через Персию и Афганистан), где, по их мнению, существовали более благодатные условия. Уже осенью 1919 г. Троцкий отзывает Снесарева с командного поста войны с Польшей (на Западном фронте) и назначает его начальником Академии Генерального штаба в Москве. Там Снесарев читает курс военной географии Средней Азии, убеждая будущих советских генералов и дипломатов: "Если вы хотите разрушить всемирную капиталистическую тиранию, бейте англичан в Индии!"²⁵

Несомненно, снесаревские планы военного вторжения революционной Красной армии в Индию были обновленным вариантом старых планов царизма. Он предлагал достигнуть Британской Индии серией быстрых маршевых переходов по трем главным направлениям атаки: западный маршрут — от Кушки через Герат и Кандагар на Кветту; центральный маршрут — от Амударьи через Гиндукуш и Кабул на Пешавар; восточный маршрут — от Памира через Читрал и Гилгит на Пешавар. Даже самый длинный маршрут — от Кушки на Кветту через Кандагар — должен был занять не более 43 переходов, не считая бивуаков. Длину дневных переходов Снесарев рассчитывал для пехоты, поддерживаемой кавалерией и артиллерией на конной тяге. По-существу, пехотные колонны должны были двигаться медленнее, чем быстрые конники времен Чингисхана и Тамерлана, которые тоже пытались завоевать Индию, двигаясь по снесаревскому центральному маршруту.²⁶ Красная армия никогда не нападала на Индию, не считая малых масштабов пограничного рейда в Афганистан в мае 1929 г. в поддержку Амануллы-хана, которому угрожало восстание племен.²⁷ Но британская администрация Индии продолжала видеть главную внешнюю угрозу в коммунистическом проникновении.²⁸ Индийское же генеральное командование считало Советскую Россию величайшей угрозой по оборонительному периметру Индии вплоть до июня 1941 г.²⁹

ТРИ ЭЛЕМЕНТА РУССКОЙ СТРАТЕГИИ В ИНДО-ПЕРСИДСКОМ КОРИДОРЕ

Не вдаваясь в волнующие перипетии "Большой игры", следует внимательнее присмотреться к сущностным аспектам русской военной стратегии в Средней Азии. В течение ста лет после завоевания Туркестана русская и советская военные стратегии в индо-персидском коридоре характеризовались тремя главными составляющими: стратегией военной угрозы, подрывной деятельностью и стремлением к теплым водам Индийского океана.

Стратегия военной угрозы

Планы стратегии военной угрозы в Средней Азии разработали в годы Крымской войны русские военные руководители — генералы А.О.Дюамель и Степан Хрулев;³⁰ а также Николай Чихачев, впоследствии ставший адмиралом. Суть этих планов, впоследствии доработанных генералами Михаилом Скобелевым и Алексеем Куропаткиным, в том, чтобы постоянно поддерживать в британцах страх перед неизбежным русским вторжением в Индию.³¹ Такая стратегия ослабила бы британское давление на других фронтах военных действий России — на Балканах, у турецких проливов, на Кавказе и Дальнем Востоке. Эти ранние планы не содержали серьезных логистических оценок и не отличались знанием топографии, но, подобно прежним планам Павла I и Наполеона, их можно рассматривать как использование стратегических маневров для достижения тех целей, которых не удалось добиться военными средствами. Так, план Дюамеля предполагал, что русская армия, маршируя со скоростью 25 верст в день, за 33 дня покроет расстояние между Астрабадом и Гератом, между Гератом и Кабулом через Кандагар — за 43 дня и между Кабулом и Пешаваром — за 14 дней. Несмотря на конфликт между персами и афганцами из-за Герата, русские полагали, что персов можно расположить к себе, используя одновременно "угрозы и шантаж, подарки и пенсии" и территориальные уступки за счет Османской империи, которая в то время была союзницей Англии. Афганцев предполагалось привлечь перспективой всеобщего мусульманского восстания в Индии. Следовало поощрять их сотрудничество с сикхами, которые еще не остыли от гнева, вызванного недавней британской аннексией Пенджаба (1849 г.) и последовавшим после смерти раджи Сингха в 1839 г.³² распадом великого сингхского царства. Еще до завоевания Туркестана генералом Кауфманом русские подозревали англичан в дьявольском плане создания антироссийской конфедерации трех узбекских ханств (Бухары, Хивы и Коканда), поддерживаемой, с одной стороны, Якуб-беком из Кашгарии, а с другой — персами и афганцами. Британцы, разумеется,

подозревали русских в том же самом — в попытке включить эти три государства в подвижную линию обороны Туркестана против Индии. Сторонники этой теории доказывали, что для сдерживания русского продвижения в Индию англичанам следует построить сильные позиции в Кандагаре, подкрепляемые через Кветту, что позволило бы им контролировать Кабул на востоке и Герат на западе. Главным глашатаем этих идей был Генри Роулинсон — военный, дипломат, политик, путешественник, археолог и ученый, он приобрел сомнительную славу призывами к британцам оккупировать Герат, повсеместно считавшийся воротами в Индию.

Еще до эпохи железных дорог британская стратегия "продвижения вперед", осуществлявшаяся во имя защиты Индии, рассматривала как серьезную угрозу, что Персия становится инструментом распространения русского влияния на Афганистан, а затем на Индию. Именно в этом контексте Герат становится жизненно важным стратегическим пунктом обороны Индии — эта роль сохраняется за ним на долгие годы. В то время все серьезные военные авторы соглашались, что путь от Амударьи через Гиндукуш на Кабул не имеет практического смысла для армий вторжения (туннель через Салаганский перевал был завершён лишь в 60-е годы XX в.), и единственный возможный путь лежит через Герат.³³ Бывший царский генерал Снесарев в лекциях для будущих советских офицеров Генерального штаба и дипломатов любил повторять старую поговорку, в которую он вкладывал ту же смесь географического детерминизма и восточной мистики, что и его британские коллеги: "Кто правит Гератом, тот командует Кабулом, а кто правит Кабулом, правит Индией."³⁴

В изображении Роулинсона, Россия продвигалась к Индии как армия, строящая на пути форпосты. Первая линия, служащая "просто для целей наблюдения", уже заложена по укрепленному поясу Оренбург-Иртыш, и уже готовится вторая "линия демонстрации" от Красноводской бухты на Амударью и далее на Памир. В какой-то момент Россия планирует выйти на третью линию: от Астрабада до Герата на Кабул и Кандагар, если только она переживет "рево-

люцию в Европе и катастрофу в Азии. "Обосновавшись в полную силу в Герате, — продолжает Роулинсон, — с коммуникациями, обеспеченными на Астрабад через Мешед, на Хиву — через Мерв и на Бухару — через Меймене и Амударьинские прходы..., Россия добьется великолепных позиций..., и всех сил Азии не хватит, чтобы изгнать ее"³⁵ Хотя для исполнения пророчеств Роулинсона понадобилось более ста лет, его представления о силе России, которая сама по себе является мощной сухопутной крепостью, продвигающей вперед свои наступательные укрепленные линии против отдаленных индийских укреплений, приводили в восторг русских географов, в том числе и Снесарева.³⁶

Следующий этап стратегии военной угрозы приходится на русско-турецкую войну 1877-1878 гг. Тогда собрался Берлинский конгресс. Его целью было сорвать русские планы в отношении Босфора. Русские уже достигли ворот Константинополя и не выказывали желаний отказаться от столь ценного приза. Чтобы отвлечь внимание англичан, в Средней Азии была инсценирована крупная военная демонстрация с участием двадцатитысячной армии, разделенной на три колонны вдоль афганской и памирской границ. Одновременно для подписания тайного соглашения с эмиром Афганистана в Кабул была послана дипломатическая миссия генерала Столетова. Затем в ответ на прибытие в Мраморное море отряда британских военных кораблей было задумано послать русскую военную экспедицию в Тибет, а крейсера — из Владивостока в Индийский океан, чтобы проверить реакцию англичан на эту акцию.³⁷ Ситуация была как нельзя ближе к предвидению Роулинсона, что Россия переступит "линию демонстраций" и будет готова занять решающую третью линию

В этот момент генерал М.Д.Скобелев выдвигает план быстрого продвижения в Индию пятнадцатитысячного войска из русского Туркестана. План Скобелева предусматривал три этапа:

— подписание политического соглашения с эмиром Афганистана при одновременной оккупации Кабула русскими войсками;

— подстрекательство всех "недовольных элементов в Хиндустане";

— "бросок масс азиатской кавалерии на Индию, которым, как во времена Тимура, будет дозволено убивать и грабить"³⁸

Этого англичане допустить не могли; угроза со стороны России привела к их второму вторжению в Афганистан (1878-1882 гг.), что, в свою очередь, положило конец недолговечному союзу России с Афганистаном. Несмотря на продолжающуюся напряженность в англо-русских отношениях, проявившуюся в инциденте в Пянжде (1885 г.) и в ряде столкновений на Памире, стороны согласились провести демаркацию афганской границы. Но до конца 1919 г. Англия сохранила право на контроль над внешними связями Афганистана.

После 1885 г. в азиатской стратегии России произошел, как мы уже говорили, существенный сдвиг, ускользнувший от внимания большинства военных авторов того времени: она переключается со Средней Азии на Дальний Восток. На это указывает постоянный поток подкреплений к границе по Амуру и Уссури, начавшийся еще до завершения Транссибирской магистрали. Военные силы России к востоку от Байкала в 1892-1903 гг. выросли с 23 до 89 батальонов пехоты, с 13 до 35 кавалерийских эскадронов и с 8 до 25 артиллерийских батарей; в Западной Азии, т.е. прежде всего в Туркестанском военном округе, увеличение армии не было значительным. За те же годы, после того, как Порт-Артур стал русским, тихоокеанский флот России с его современными военными судами стал самой мощной частью военно-морских сил страны. Даже после поражения в войне с Японией Россия продолжала поддерживать свою огромную военную мощь на Дальнем Востоке.³⁹

Нетрудно отметить, что катастрофа 1905 г. и опасения, что придется воевать на два фронта на разных концах империи, удаленных друг от друга примерно на 15 тыс. км. и связанных неэффективной и легко уязвимой (в то время) Транссибирской магистралью, стали главным геополитическим фактором, который унаследовала от прошлого советская евразийская стратегия. Не принимая в расчет этот основополагающий стратегический фактор, невозможно понять сталинскую политику балансирования между Востоком и Западом вплоть до гитлеровского на-

падения на СССР, а также гигантское сосредоточение советской военной и морской мощи на Дальнем Востоке после 1960 г.

Существует поразительное сходство между концентрацией огромной советской мощи на Дальнем Востоке в 70—80-е годы и той, которую предпринял Сталин в конце 30-х годов. Если в 70—80-е годы на Дальневосточном театре военных действий было сосредоточено от четверти до трети личного состава и материальной части Советской Армии,⁴⁰ то в 1940 г. Особая дальневосточная Армия пропорционально была еще более значительной. В ней было не менее 600 тыс. человек: 34 пехотных и 8 кавалерийских дивизий и 8 механизированных бригад по сравнению с 55, 9 и 20 на Западе соответственно. Только убедившись, что Япония не нападет на СССР, Сталин в декабре 1941 г. перевел половину дальневосточного контингента на запад, чтобы защитить Москву.⁴¹ Почти четырем годами позже, когда можно было уже предсказать поражение гитлеровской Германии, ставка развернула маятник обратно и бросила более полутора миллионов солдат, 5 500 танков, 26 000 орудий и 3 400 самолетов против японской Квантунской армии в Маньчжурии.⁴²

В восьмидесятые годы прошлого века, несмотря на явный сдвиг военных ресурсов на Дальний Восток, среднеазиатский вопрос оставался в центре соперничества России и Великобритании — двух великих держав Евразии. По сообщениям, которые регулярно поступали к англичанам, Россия не оставляла намерений вторгнуться в Индию.

Таков был, например, план генерала Куропаткина, обсуждавшийся во время англо-бурской (1899-1902 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн. Этот план был подобием уже известного нам плана отвлекающей игры русских в Средней Азии. Целью обоих этих планов было держать англичан в Средней Азии в постоянном напряжении, чтобы обеспечить русским свободу действий в Маньчжурии. Несмотря на англо-российское соглашение 1907 г. и союзнические отношения в ходе первой мировой войны, Куропаткин сохранил свою идею русской экспансии в расширенной Средней Азии (Персия, Афганистан, Синьцзян

вплоть до Монголии). Находясь на посту генерал-губернатора Туркестана, он выразил свои идеи в докладной записке царю (1916 г.).⁴³

Лорд Керзон, признанный авторитет по проблемам Средней Азии еще до назначения его вице-королем Индии (1898-1905 гг.), был одержим идеей "активной обороны" Индии. Он не верил, что русские осуществляют некий общий план непрерывной экспансии в Азии, якобы вдохновленный апокрифическим завещанием Петра Великого. По мнению Керзона, Россией "двигают естественные побуждения," и она получает выгоду от ошибок других государств. Не заметив сдвига русских предпочтений на Дальний Восток, Керзон продолжал писать, что присутствие русских в Средней Азии — прямая угроза Индии и что необходимо препятствовать стремлению русских получить "второй Порт-Артур" в Персидском заливе.

Насколько реальной была русская угроза Индии? Это было главной темой известной книги Керзона "Россия в Средней Азии в 1889 г.". Он не считал, что "хоть кто-то в России, кроме немногих теоретиков-мечтателей да легкомысленных младших офицеров" всерьез думает о завоевании Индии. "Идея слишком абсурдна, чтобы ею заниматься". Однако русское вторжение в Индию, реальное или мнимое, шансы которого постоянно увеличивались с быстрым развитием системы стратегических железных дорог в Средней Азии, — это иное дело. Цели русских, по мнению Керзона, не "Калькутта, а Константинополь, не Ганг, а Золотой Рог". Цитируя генерала Скобелева, считавшего, что Россия должна владеть Босфором не только потому, что от этого зависит ее положение державы первой величины, но и ее безопасность, Керзон пишет о парадоксальном характере демонстраций военной силы России в Средней Азии: "Ключи от Босфора легче завоевать на берегах Хелмонда... Удерживать Англию от действий в Европе, держа ее в напряжении в Азии,— такова вкратце идея и суть русской политики".⁴⁴ Керзон понимал мышление русских. Его анализ подтверждается инструкцией, полученной в 1900 г. российским консулом в Бомбее из Петербурга:

"Основное значение Индии для нас состоит в том, что

она представляет собой наиболее чувствительный пункт для Британии, чувствительный нерв, одно прикосновение к которому легко может заставить правительство Ее Величества изменить враждебную политику по отношению к нам и продемонстрировать желаемое согласие по всем вопросам, по которым... наши интересы могут придти в столкновение".⁴⁵

Подрывная деятельность

Подрывная деятельность, как и угроза применения военной силы, присутствовала в большинстве российских планов. Ведь, в конечном счете, обе эти составляющие являются частью старого, как мир, искусства политики и войны. В упомянутой выше записке генерал Дюамель предлагал, чтобы русская армия на пути к Лахору и Дели "возмущала магометанское население и несла бунт в самое сердце английской территории".⁴⁶

В плане генерала Скобелева (1877 г.) акцентировалось возбуждение мятежа в Индии, — так как он мог бы "даже произвести социальную революцию в Англии".⁴⁷ Однако когда в 1857 году в Индии вспыхнуло великое восстание сипаев, его причины имели весьма мало общего с российскими интригами. Образ Индии, кишашей русскими агентами, вплоть до начала осуществления большевистской стратегии на Востоке легче было соотнести с бессмертным героем киплинговского "Кима", нежели с реальностью.

Однако подлинно прогрессивный поворот в подрывной деятельности был осуществлен не русскими и не британцами, а кайзеровской Германией. Она вмешалась в "Большую игру" в Средней Азии между Великобританией и Россией со своим планом расширения германского плацдарма, начав строительство железной дороги Берлин-Багдад. Кайзер, вдохновленный ведущим германским востоковедом Максом фон Оппенгеймом, решил поддержать панисламизм. Уже в 1898 г. он провозгласил себя в Дамаске защитником 300 млн. мусульман.⁴⁸ Как пишет Фриц Фишер, император с удовольствием воспринял революционные возможности, которые предлагал ислам в случае мировой войны, в т. ч. джихад.⁴⁹

Перед Германией, как и перед Россией, стояла угроза войны на два фронта, и в канун первой мировой войны Германия разработала план сочетания стратегии военной угрозы с подрывной деятельностью как эффективного и легитимного инструмента стратегии. Германия поддерживала независимость Египта и Индии, и это следует рассматривать как собственно военные действия, ибо распад Британской империи был обязательным условием превращения Германии в ведущую мировую державу. Первоначальные же планы Германии ограничивались отвлечением колониальных держав и замедлением переброски их войск на Европейский театр военных действий.

Стимулирование революции стратегической подрывной деятельностью, (а в этом Германия стала подлинным мастером), было весьма широкомасштабной и систематизированной операцией, инициатива которой принадлежала германскому Генеральному штабу и министерству иностранных дел.⁵⁰ Наиболее поразительный трюк в этой области, последствия которого невозможно было даже предсказать — это перевозка Ленина в 1917 г. через Германию в plombированном вагоне. В отношении исламского мира немецкие стратеги разработали не менее десятка планов, охватывающих территорию от Лахора до Касабланки. "Революции в Индии, Египте, на Кавказе, — писал начальник генерального штаба генерал Гельмут фон Мольтке-младший, — имеют огромную важность... для пробуждения исламского фанатизма".⁵¹

Сначала немецкие стратеги избрали главной целью Индию. Это можно объяснить влиянием на германскую политику двух выдающихся аутсайдеров, каждый из которых имел свою маниакальную идею относительно расширенной Средней Азии. Это пронемецки настроенный военный министр Турции и видный пантуранист Энвер-паша (1881-1922 гг.) и шведский путешественник Свен Гедин (1865-1952 гг.), пангерманист по мировоззрению и, несомненно, наиболее известный из западных исследователей Средней Азии. В ходе обеих мировых войн он помогал германскому Генеральному штабу советами и бесценными картами.⁵²

В 1914 г. с военной помощью турецких союзников были снаряжены и посланы в Багдад две экспедиции, в которых принимали участие индийские революционеры, жившие в Германии. Посланцы Кайзера, возглавляемые Вернером Отто Хентигом и Оскаром фон Нидермайером, пересекли Персию и прибыли в Кабул; однако своей главной политической цели они не достигли. Германия желала вовлечь Афганистан в войну против Британской Индии в обмен на признание независимости и предложения военной помощи, пусть даже нереальной. Подстрекая племена к массовому восстанию, можно было бы удержать большую часть индийской армии на северо-западной границе страны и облегчить революционную подрывную деятельность в самой Индии.⁵³

Другая группа весьма авантюрных германских агентов в Багдаде и Персии хотела достигнуть одновременно многих взаимоисключающих целей: антироссийского восстания в Азербайджане, Бухаре и Хиве; пропаганды идеи джихада среди шиитов; распространения пантуранистских планов Энвера-паши, в поддержке которых шииты вовсе не были заинтересованы.

Наиболее дерзкий план выдвинул граф фон Каниц, германский военный атташе в Тегеране. В 1915 г. он несколько раз предлагал освободить 50 тыс. немецких и австро-венгерских военнопленных, которых, как предполагалось, содержали в русском Туркестане, и использовать их не только для возбуждения волнений в Средней Азии. Предполагалось, что они могут овладеть Туркестаном и, захватив контроль над сетью железных дорог между Каспийским морем и Оренбургом, изолировать его от остальных районов России. Далее Каниц предлагал захватить контроль над железнодорожными мостами через Обь и Иртыш и начать операции против Индии через Афганистан.⁵⁴ Идея захвата контроля над значительной частью Российской империи путем перехвата главных путей сообщения к востоку от Волги не была полностью фантастичной. Тремя годами позднее чешский легион, также состоявший из бывших военнопленных, установил контроль над всей Транссибирской магистралью.

Поэтому вряд ли можно удивляться, что большевики, в особенности Ленин, жаждали перенять германскую революционную стратегию с ее тактикой подрывной деятельности по отношению к тому, что сегодня называют Третьим миром. Здесь можно без преувеличения сказать, что кайзеровская Германия ради подрыва политического союза между державами Антанты и их колониальными империями, пользовалась более радикальной и последовательной революционной тактикой, чем гитлеровский Третий рейх.⁵⁵ Планы подстрекательства к волнениям в Индии посредством дружественного Афганистана уж точно не были оригинальной идеей большевиков. Мессианская идеология уже имелась в наличии; тактика была воспринята от прежних сценариев времен царизма и подкреплена свежим германским опытом, накопленным за годы первой мировой войны. Первые большевистские комиссары в Афганистане Николай Бравин и Яков Суриц шли по стопам своих немецких предшественников фон Нидермеера и фон Хентига.

Когда афганский эмир Аманулла в мае 1919 г. напал на Британскую Индию (третья англо-афганская война), он был убежден, что большевики поспешат встать на его сторону. Однако Ленин мог дать лишь щедрые обещания военной помощи и признать суверенитет Афганистана в полном соответствии со старыми германскими требованиями брестского мирного договора. Одной из главных причин неудачи афганно-большевистской координации был разрыв путей сообщения: Оренбургско-Ташкентская железная дорога была отрезана в течение почти всего 1919 г., и хотя Ташкент мог сноситься с Москвой по радио, для связи с Кабулом можно было использовать лишь конных гонцов.

Две русские революции 1917 года вызвали серьезные изменения в геополитической ситуации, сложившейся в царской империи: отпала часть ее пограничных территорий — Финляндия, Прибалтийские провинции, Польша, Бессарабия, временно — Украина и Закавказье; однако это фундаментально не изменило геополитических основ англо-русского соперничества в Средней Азии. Казалось, что русский Туркестан неуклонно движется в том же направлении — к отделению и распаду. Власть большевиков, опирав-

шаяся лишь на единственную нить прямого сообщения с центральной Россией (через Оренбург), нить, которая была по большей части отрезана в первые два года гражданской войны, связывала лишь с Ташкентом — единственным русифицированным городом Туркестана. Центральные власти в Петрограде (а затем в Москве) едва ли могли добраться до Туркестана, который к тому же мало значил в глазах большевистского правительства. Оно старалось выжить, подавив внутренние мятежи и отразив иностранные вторжения.

Однако у большевиков с самого начала было два важных козыря. Во-первых, они были единственной силой в Средней Азии, способной отремонтировать и эксплуатировать для собственных военных нужд местную железнодорожную сеть. Во-вторых, они полностью воспользовались преимуществом обладания единственной профессиональной военной силой, оставшейся в Туркестане после распада старой русской армии. Это были военнопленные, в основном бывшие солдаты Австро-Венгрии, численность которых осенью 1917 г. оценивалась в 40 тыс. человек. Как отмечалось выше, этих военнопленных намеревалась использовать Германия — в соответствии с планами 1915 г. — для смещения пробританских раджей в Индии путем организации восстания мусульман.⁵⁶ С молчаливого согласия большевиков, руководствовавшихся условиями Брестского мира, вполне могло состояться турецко-германское нашествие, которое началось бы в Закавказье, прошло бы через Закаспий, Северную Персию и Афганистан. В 1918 г. эта отдаленная угроза внезапно стала реальной. Военнопленные, страдавшие от недоедания и безделья, во все большем числе записывались в Красную гвардию "бойцами-интернационалистами", и в 1918 г. они образовали костяк военных сил, которыми распоряжались ташкентские власти. Британцев встревожила эта печальная перспектива натравливания "потенциальных рекрутов мировой революции" на Индию.⁵⁷

Но это был лишь один из множества важных факторов, которые в период великих волнений в Средней Азии создали для этого региона многочисленные политические

альтернативы; в частности, будущий Туркестан мог стать главной составляющей Средней Азии. Постоянные перемены в Средней Азии вызвали непредсказуемые возможности и реакцию со стороны всех участников дележа добычи. Поскольку за последние сто лет в истории Средней Азии трудно найти столь же драматический период как 1917-1922 гг., было бы полезно рассмотреть эти альтернативы:

1. Немецкие планы, главная цель которых — разрушить британское правление в Индии. Используя союз с Турцией, Берлин надеялся организовать волнения мусульманского населения Индии через Афганистан, инспирировав массовое восстание племен на северо-западной границе страны; отвлечь тем самым британские войска в Индии и воспрепятствовать отправке подкреплений из Индии на другие фронты войны. В качестве полезного инструмента религиозной и национальной пропаганды в Туркестане немцы надеялись использовать пантуранское движение (Энвер-паша). Хотя эти планы зародились у немцев в 1914 г. (пример — экспедиция Хентига-Нидермейера), подготовка к их осуществлению усилилась после подписания Брестского мира, в короткий период между мартом и ноябрем 1918 г.⁵⁸

2. Поздней осенью 1918 г. британские интервенты вступили в Баку, чтобы воспрепятствовать захвату немцами нефтяных месторождений, и в 1918-1919 гг. оккупировали Закаспий, чтобы не дать турецко-немецким войскам взять под контроль юго-восточный проход из России в Индию.

Хотя некоторые видные мусульманские деятели вроде Ага-хана настаивали, чтобы Британская империя, которая "уже является крупнейшей мусульманской державой мира", присоединила и мусульманские территории от Босфора до китайского Туркестана, в Лондоне мудро избегли этого искушения, опасаясь, что воздействие панисламизма "может легко стать парализующим". Министерство по делам Индии полагало, что если бывшая Российская империя распадется, то Туркестан скорее изберет своим центром притяжения Омск, нежели Петроград или Москву. Министерство считало, что если русское азиатское правительство с центром

в Омске, контролирующее всю железнодорожную сеть вплоть до Оренбурга, выживет в гражданской войне, то средняя Азия будет разделена на четыре автономные единицы под суверенитетом Сибири: Бухара и Хива сохраняют свою номинальную независимость; остальные районы Туркестана будут разделены на две местные администрации, одна с центром в Ташкенте, вторая — в Коканде, причем в управлении будут участвовать и европейцы, и мусульмане.⁵⁹

3. Поощряемые Германией центробежные движения в распадающейся царской империи. Одним из таких движений был Юго-Восточный Союз. Он действовал на территории от Дона до Оренбурга и Семиречья. Этот союз серьезно повлиял на события в Туркестане, удерживая за собой контроль и эксплуатацию Оренбургско-Ташкентской железной дороги.⁶⁰

4. Балканизация Средней Азии, которая смогла бы привести к временному продлению жизни бывших русских протекторатов — Бухарского и Хивинского ханств.

5. На какое-то время консервативные ханства сменяют силы современного исламского возрождения (*Джаиды*), воплощением которых было недолговечное Временное правительство автономного Туркестана в Коканде под председательством Мустафы Чокаева. Это правительство претендовало на власть над всей российской Средней Азией, конкурируя с большевистским правительством в Ташкенте, состоявшим полностью из европейцев. Кокандский эксперимент был жестоко подавлен красногвардейцами, посланными из Ташкента в феврале 1918 г.⁶¹

6. Попытка создать исламскую федерацию в Средней Азии, предпринятая амбициозным эмиром Амануллаем. Сначала федерация должна была включать Афганистан, Бухару и Хиву. Предполагалось, что ослабленная Персия также примет власть Кабула. Аманулла надеялся, что дальнейший распад российской империи увеличит шансы на включение в федерацию остальных частей Туркестана. В случае крушения британской власти в Индии Кабул, несомненно, попытался бы вернуть исторические владения Афганистана вдоль линии Дюранда вплоть до реки Инд, чтобы обеспечить

объединение всех пуштунских племен (ср. третью англо-афганскую войну и зарождение идеи Пуштунистана). Неотъемлемой частью афганских территориальных претензий к Британской Индии была приморская провинция Синд с центром в портовом городе Карачи. Однако эта планировавшаяся исламская федерация должна была находиться под властью персидских элит, говорящих на фарси или дари; рано или поздно они должны были столкнуться с пантуранистским движением, объединявшим тюркоязычные группы Средней Азии.⁶²

7. Мусульманская пантуранистская федерация в Средней Азии — мечта жизни Энвера-паши. После неудачной попытки ввести турецкие войска в Среднюю Азию через Кавказ в 1915 г. он в ноябре 1921 г. прибыл в Туркестан через Москву при явной помощи Ленина. Однако вместо того, чтобы помочь проведению антиколониальной революции на индийской границе и содействовать большевикам в консолидации их власти над среднеазиатским местным населением (как он, по-видимому, обещал Ленину), Энвер-паша при первой возможности присоединился к антибольшевистским партизанам — басмачам. Несмотря на родственные связи и личные данные (он был зятем последнего турецкого султана и халифом, бывшим военным министром и т.п.), басмачи не признали его претензии на общее руководство. После гибели Энвера-паши в бою в августе 1922 г. разобщенное басмаческое движение продолжалось вплоть до 30-х годов, однако оно уже не могло предложить конструктивного решения жизненно важных политических проблем Средней Азии.⁶³

8. Социалистические пантуранисты во главе с "красным" татаринцем Султан-Галиевым, доверенным лицом Сталина в народном комиссариате по делам национальностей. В годы гражданской войны большевики пропагандировали идею социалистического пантуранизма, в особенности среди татар и башкир.⁶⁴

9. И, наконец, вариант, который осуществился после крушения всех прочих — *status quo ante bellum* (довоенный статус кво), т.е. большевистская реконкиста Туркестана.⁶⁵ Лишь отразив силы интервенции в центральной России,

большевики смогли уделить внимание Туркестану, который занимал до этого подчиненное место в списке их стратегических предпочтений. Существенным условием контроля было установление большевистской власти по всему протяжению Оренбургско-Ташкентской железной дороги к середине сентября 1919 г. В ноябре 1919 г. так называемая Турккомиссия во главе с М.В. Фрунзе прибыла в Ташкент и заявила, что ее главная задача — "усилить союз трудящихся масс русского и туркестанского народов... для помощи в укреплении советской власти... и проведения ленинской национальной политики"⁶⁶.

Смысл этих заявлений вскоре был продемонстрирован на деле. На втором этапе большевистской реконкиты было покончено с временными политическими образованиями — Бухарским и Хивинским ханствами. Посредством ряда операций, в которых сочеталось жесткое военное давление и хитроумные подрывные действия, в феврале 1920 г. была аннексирована Хива, провозглашенная Хорезмской народной республикой; в сентябре того же года была провозглашена Бухарская народная республика.⁶⁷ Вскоре после высадки большевистских войск в мае 1920 г. в североперсидском порту Энзели, этот район был провозглашен Гилянской советской социалистической республикой.⁶⁸

Третьим этапом большевистской реконкиты Средней Азии было окончательное подавление басмачества, что заняло не менее пятнадцати лет. Однако несмотря на борьбу с басмачами, большевики одновременно вели борьбу с "империализмом" — подрывную деятельность с туркестанского плацдарма, которая должна была служить делу мировой революции. Во имя этой цели большевики без всяких сантиментов готовы были заключить союз с кем угодно, например, эмиром Амануллоем, рассчитывавшим на советскую поддержку освобождения своей страны от британского контроля, и Энвером-пашой, который способствовал избиению армян и сохранял свою великую пантуранскую мечту.⁶⁹ Создается впечатление, что после второго конгресса Коминтерна и съезда народов Востока в Баку (соответственно, июль и сентябрь 1920 г.) стратегия большевиков радикально изменилась, по меньшей мере, временно: от стремления к

революционным переворотам на Западе они обратились к поддержке антиколониальных движений на Востоке. Григорий Зиновьев, председатель Коминтерна и председатель съезда в Баку, призывал участников съезда объявить "священную войну против английских и французских грабителей-капиталистов". "Если Персия, — заявил он, — является воротами, через которые следует пройти, чтобы вторгнуться в цитадель революции на всем Востоке, т.е. Индию, мы должны пробудить революцию в Персии". "Персидское восстание даст сигнал... серии революций, которые распространятся через всю Азию и часть Африки... Для всего этого нужен толчок извне, внешняя помощь, инициатива, активная решимость".⁷⁰

Согласно решениям Коминтерна, десятки индийских революционеров и мусульманских муджахедов должны были пройти подготовку и получить оружие на советской территории. В надлежащий момент они из дружественного Афганистана должны были перейти границу Индии. В Ташкенте известный индийский марксист М.Н. Рой создал центр военно-пропагандистской подготовки.⁷¹ Индийские революционеры, во время войны работавшие на германского императора, такие, например, как Маулави Баракатулла, В.Н. Чаттопадхьяй и эксцентричный раджа Махендра Пратап, с готовностью стали служить Ленину и вели большевистскую пропаганду у ворот Индии⁷², которая стала главной мишенью большевистской стратегии. В соответствии с ней, мировую революцию можно наиболее эффективно поддержать, нанося удар по самым чувствительным точкам Британской империи.

Еще в 1918 г. и Ленин и Сталин предполагали, что вскоре великий антиколониальный подъем начнется на Востоке, хотя в то время они еще продолжали считать Европу главным театром грядущей мировой революции. Сталин при этом, подчеркивая необходимость самоопределения и отмены неравноправных империалистических договоров, заключенных царским правительством с его более слабыми соседями, выходил за рамки официальных большевистских призывов. В статье в "Правде", посвященной первой годовщине революции (7 ноября 1918 г.), Сталин подчеркивал, что

Октябрьская революция "построила мост между социалистическим Западом и поработанным Востоком... против мирового империализма". Затем последовали две статьи в журнале возглавлявшегося Сталиным Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац), — "Не забывайте о Востоке" и "Свет с Востока".⁷³

А что говорили другие большевистские руководители? В марте 1919 г. Николай Бухарин высказался с циничной прямотой: "Пропагандируя самоопределение колоний — готтентотов, негров, индийцев и т.п., — мы ничего не теряем. Напротив, мы выигрываем, так как это способствует крушению английского колониализма!"⁷⁴. Пятью месяцами позже в письме ЦК Троцкий обсуждал идею подрывных действий в терминах военной стратегии:

"Армия, которая в данный момент может не иметь никакого значения в европейском масштабе, способна нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений и колониальной зависимости, дать непосредственный толчок к восстанию части угнетенных масс и обеспечить торжество такого восстания в Азии...

Несколько месяцев назад один военный специалист представил план создания кавалерийского корпуса (30-40 тыс. всадников) для броска на Индию. Этот план положили под сукно под предлогом, что он нуждается в тщательной подготовке, как материальной, так и политической. До сих пор мы уделяли слишком мало внимания агитации в Азии. Однако международное положение явственно складывается таким образом, что дорога в Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии".⁷⁵

Весьма возможно, что этим "военным специалистом" был бывший царский генерал Снесарев, которого Троцкий назначил начальником Академии Генерального штаба в Москве в 1919-1921 гг.⁷⁶ Однако столь дерзкое вторжение в Индию так и не было осуществлено большевиками, хотя в начале 20-х годов политическая ситуация представлялась наиболее благоприятной. Похоже, что к 1923 г. революционный энтузиазм, вдохновленный социалистическими идеями, пантуранскими или панисламистскими верованиями, испарился, и советское правительство больше занялось

внутренними делами, стало осмотрительнее и расчетливее. Большевики выступили против социалистического пантуранского движения, возглавлявшегося Султан-Галиевым, несмотря на то, что первоначально его предполагалось использовать для заброса коммунистических агитаторов в соседние страны ислама.⁷⁷ К моменту ультиматума Керзона (май 1923 г.) большевики отказались от своей стратегии, направленной против Индии и опирающейся на связь с исламом. Смена халифата Кемалем Ататюрком привела к естественной смерти халифатского движения в Индии.⁷⁸

Большевистские силы проникли в Синьцзян и Внешнюю Монголию, в ряде случаев глубоко заходили в Маньчжурию и Афганистан (например, в мае 1929 г.) и вплоть до 30-х годов продолжали борьбу с басмачами. Однако главной целью стала консолидация советской власти на территории бывшей царской Средней Азии, а не конфронтация против англичан внутри Афганистана посредством стратегии угрозы и подрывной деятельности. Активисты Коминтерна были разочарованы отсутствием успехов в подрывной работе в Индии, особенно после судебного процесса по делу так называемого Канпурского заговора,⁷⁹ который вывел из действия наиболее способного из коммунистических агитаторов и коллаборационистов М.Н. Роя. После неудач в Индии стратегия Коминтерна в Азии переключилась с мусульманского мира и Индии на новый объект — Китай.

И все же страх перед коммунистической подрывной деятельностью в Индии и советским вторжением через Иран и Афганистан, преследовал и военную, и гражданскую администрацию Индии в течение всего межвоенного периода.⁸⁰ Военные стратеги из индийского Генерального штаба и военного министерства в Лондоне рассматривали Советский Союз как главную угрозу безопасности Индии. Решение о казус белли, принятое в 1907 г. и гласившее, что на русское нападение на Афганистан Англия должна ответить объявлением войны России, сохраняется в документе "План обороны Индии (война с Россией в Афганистане)", разработанном военным министерством в 1929 г. Годом ранее командование генеральных штабов пришло к заключению, "что нынешняя политика Советской России по от-

ношению к Индии тождественна политике императорской России".⁸¹

Хотя разработанный министерством обороны в Лондоне сценарий наступательных действий в случае советского вторжения предусматривал как само собой разумеющееся сотрудничество афганского правительства и пограничных племен, индийский генеральный штаб не верил в возможность такого сотрудничества. Его собственные планы действий, закодированные как "Синий", "Розовый" и "Промежуточный" (1927, 1931, 1938 гг.), исходили из того, что советское вторжение будет сопровождаться враждебными действиями афганского правительства, а также племен по обе стороны границы против англичан. Даже в конце 30-х годов, когда главной стала угроза со стороны держав оси, английские стратеги вплоть до гитлеровского нападения на Советский Союз 22 июня 1941 года продолжали внимательно относиться к возможной советской угрозе в Средней Азии.⁸²

Если бы нападение на Индию, инспирированное СССР, состоялось в 20-30 годы, то для успешного свержения британского господства над Индией необходимо было наличие следующих условий: устранение превосходства британского военно-морского флота в Индийском океане; взрыв гражданского неповиновения и общинных беспорядков в Индии; мятеж индийской армии; восстание племен на северо-западной границе Индии, поддержанное Афганистаном; сухопутное наступление крупного государства против Индии. Однако в 1918-1920 гг. могли быть выполнены лишь второе и четвертое условия, и то не одновременно, а большевики не могли ими воспользоваться из-за больших расстояний и логистических проблем.

В противоположность этому в 1940-1942 гг., когда вторая мировая война создала вдоль евроазиатской окраины западных колониальных империй серию параллельных, хотя и не строго тождественных кризисных ситуаций, ни один из серьезных противников, т.е. Советский Союз (до июня 1941 г.), нацистская Германия и императорская Япония, не проявили горячего желания переместить свои приоритеты в Среднюю Азию, несмотря на тот факт, что все пять

перечисленных выше предварительных условий тогда, похоже, были выполнены. Более того, в дополнение к этим факторам страны оси перевезли выдающегося индийского революционера Субхаса Чандра Босе из Берлина к индийской границе (подобно тому как кайзеровская Германия в 1917 г. переправила Ленина из Швейцарии в Россию). Его присутствие в регионе могло бы существенно усилить взаимодействие всех пяти элементов, необходимых для подрыва безопасности Британской Индии. Но Босе прибыл на азиатскую сцену лишь в 1943 г. Возглавить вдохновленное японцами движение за независимость Индии и принять командование Индийской национальной армией он уже не мог: необходимые условия, которые существовали до начала 1942 г., уже изменились.⁸³

Стремление к теплым морям

В отличие от стратегии угрозы применения силы и подрывной деятельности, которые рассматриваются как более или менее неотъемлемые составляющие части русской (советской) империалистической политики в Средней Азии, стремление к теплым морям остается стратегическим компонентом, вокруг которого возникают значительные разногласия. С одной стороны, его связывают с фальсификацией истории — так называемым завещанием Петра Великого.⁸⁴ Хотя лучшую часть своей жизни Петр Великий посвятил 20-летней войне за владычество над Балтикой, идея обеспечить подлинный выход к теплым морям для его расширяющейся империи увлекала его постоянно. Однако в то время Россия могла выйти только в Черное море, которое, со стратегической точки зрения, не является идеальным, ибо единственный выход из него, Босфор, слишком узок и по обеим сторонам находился под контролем извечного врага России — Турции. Однако по меньшей мере один советский стратег, адмирал Сергей Горшков, отнесся к мнимому геополитическому плану Петра всерьез. Комментируя Азовскую кампанию Петра (1695-1696 гг.), он отметил, что "дальнейшее развитие государства и его хозяйства могло продолжаться только с достижением выходов к

моря.⁸⁵ Замечание Горшкова — пример того, что советские власти, решительно осуждая внутреннюю политику царского режима, рассматривают его внешнюю экспансию как часть "прогрессивного наследия". Эта политика якобы дала возможность менее развитым народам на периферии империи вкушать от плодов более высокой культуры, принесенных старшим русским братом.⁸⁶

Имя Петра ассоциируется также с двумя военными экспедициями (1722-1724 гг.) для обретения выхода к Индийскому океану через индо-персидский коридор и установления торговых связей с Персией, Индией и Китаем. Эти и другие многочисленные экспедиции, проведенные преемниками Петра, не имели успеха вплоть до завоевания промежуточных территорий — Закавказья (1800-1850 гг.) и Туркестана (1860-1880 гг.). Решающее значение, однако, имело строительство железной дороги в Средней Азии. Безводные пустыни и огромные расстояния перестали быть серьезным естественным препятствием. Русские войска постепенно, все глубже вонзаясь в тело Средней Азии шпорой железных дорог и продвигаясь все ближе к персидской и афганской границам, заполняют вакуум силы вплоть до горной окраины великих гор среднеазиатского водораздела. Логично, что следующая волна русского казачества, обосновавшись на Памире, перешла Амударью и овладела хребтом Гиндукуша. За казаками последовали переселенцы из центральной России, прибытие которых ускорялось по мере завершения строительства железных дорог. Российская евразийская империя расширялась вопреки воле подпадающего под ее власть коренного населения.⁸⁷

Но даже и тогда логистические условия успешного проникновения к Персидскому заливу не были удовлетворительными; положение изменилось лишь с завершением строительства стратегических железнодорожных путей к индо-персидскому коридору. Вот почему стремление русских к теплым морям (если не воспринимать его просто как мечту) невозможно понять, не учитывая роли стратегических среднеазиатских железных дорог вообще и проекта Трансперсидской магистрали в частности.

Примечания

- 1 Vladimir Solovyov and Elena Klepikova, "Russia's Geographic Imperialism," *The Washington Post*, March 30, 1980.
- 2 Там же. См. также Roger Dow, "Prostor: A Geopolitical Study of Russia and the United States," *The Russian Review* (November 1941).
- 3 J. P. Cole, *Geography of the Soviet Union*, (London: Butterworths, 1984), 9.
- 4 John J. Stephan, "Asia in the Soviet Conception". In *Soviet Policy in East Asia*, Donald Zagoria ed. (New Haven: Yale University Press, 1982), 31.
- 5 W. H. Parker, *An Historical Geography of Russia* (Chicago: Aldine, 1969), 18.
- 6 Там же, стр. 18-29.
- 7 В.О. Ключевский. *Курс русской истории*. 1956. т.1, стр. 46-65.
- 8 Richard Edes Harrison, *Look at the World. The Fortunes Atlas for World History* (New York: Knopf, 1944); Gerard Chaliand and Jean-Pierre Rageau, *Strategic Atlas. A Comparative Geopolitics of the World's Powers*. (New York: Harper and Row, 1985).
- 9 М. Хаунер, "Soviet Eurasian Empire and the Indo-Persian Corridor," *Problems of Communism* (January-February 1987), 25-27.
- 10 Alexadr Von Humboldt, *L'Asie Centrale*, 3 vols. (1843), русский перевод т.1 (1915); Berthold, *Decouverte*, (1947), 185; Е. М. Мурзаев. *В далекой Азии. — "Очерки по истории изучения Средней и Центральной Азии в XIX-XX вв."*, М., изд-во АН СССР, 1956, стр. 9-10.
- 11 Lawrence Krader в *Encyclopaedia Britannica*, Macropedia 3 (1982), 1119.
- 12 По Robert L. Canfeld (ред.), *Greater Central Asia* (Santa Fe: American School of Research, 1989, introduction.)
- 13 См. А. Солженицын. *Письмо вождям Советского Союза*. 1973 г.
- 14 А.Е.Снесарев. *Англо-русское соглашение 1907 г.* СПб., 1908, стр. 12.
- 15 По Charles Simond, *L'Afghanistan: Les Russes aux portes de L'Inde* (Paris, 1885), 323.
- 16 Две лекции Снесарева, прочитанные 4 и 12 января

1905 г. на совместном заседании Российского общества по изучению Востока и представителей Генерального штаба, опубликованы в брошюре "Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе". (СПб., изд. А.С. Суворина, 1906, стр. 7-13). См. также его "Афганистан", М., Госиздат, 1921, стр.15.

17 А.Е.Снесарев. Афганистан, стр. 212-215.

18 Согласно биографии Emil Ludwig. Napoleon. Berlin, Rowohlt, 1927, pp. 18-19, заметки Наполеона о прочитанных книгах были поразительно подробными (в печатном виде они занимают 400 страниц) и обнаруживали страстный интерес к Египту и Индии; в них содержатся выписки из популярной книги аббата Гийома де Реналья "Философская и политическая история колоний и торговли европейцев с обеими Индиями" (Амстердам, 1770, франц.). К сожалению, таких свидетельств о круге чтения Гитлера не имеется, однако известно, что он всю жизнь восхищался приключенческими романами Карла Мая, где действие нередко происходит на Ближнем и Среднем Востоке. См., например, Bradley Smith, *Adolf Hitler: His Family, Childhood and Youth* (Stanford: Hoover, 1967); J. Sydney Jones, *Hitler in Vienna 1907-1913* (New York: Stein and Day, 1982); Swen Hedin, *German Diary 1935-1942* (Dublin: Euphorion, 1951).

19 А.Е.Снесарев. Афганистан..., 1921, стр. 10, 218.

20 Там же, стр. 216-220.

21 India Office Records: L/P2S/20/A100.

22 А.Е.Снесарев. Индия как главный фактор..., 1906, стр. 173.

23 А.Е.Снесарев. Северо-индийский театр: военно-географическое описание. Ташкент, Генеральный штаб Туркестанского военного округа, 1903, т.1, стр. 9.

24 А.Е.Снесарев. Индия как главный фактор, (1906), стр. 172.

25 А.Е.Снесарев. Афганистан... (1921) стр. 3-19, 243.

26 Там же, гл.8. См. также Alexandre Barmine, *One Who Survived. The Life Story of a Russian Under the Soviets* (New York Puttman, 1945), 85-87.

27 A. Barmine, *One Who Survived*. (1945), 231; George S. Agabekov, *OGPU, The Russian Secret Terror* (New York, 1931), 179-180, и *Чека за работой*. Берлин, изд. "Стрела", 1931, стр. 276-283; "Правда", 7-10 мая 1929.

28 Sir Cecil Kaye, David Petrie, Sir Horance Williamson. *Communism in India. Unpublished Documents from the National Archives in India, 1919 -1933*, 3 vols. (Calcutta, 1971-1976).

29 Bisheswar Prasad, *Defence of India, Policy and Plans* (New Delhi: Orient Longmans, 1963) 1-90.

30 H. S. Edwards, *Russian Projects Against India from the Czar Peter to General Skobelev* (London: Remington, 1885).

31 Malcolm Yapp, *Strategies of British India: Britain, Iran and Afghanistan, 1798-1850* (Oxford: Clarendon Press, 1980). В обширной работе выдвигается предположение, что внешние угрозы Индии, сначала со стороны французов, а затем — со стороны русских в течение большей части XIX века были в основном химерой, смысл которой лишь в том, что продвижение русских к Индии через Иран и Афганистан могло пробудить у англичан страх внутреннего мятежа вследствие подстрекательства к волнениям среди мусульман, служивших в индийской армии. Но когда вспыхнуло знаменитое восстание сипаев в 1857 г., причины его не имели почти ничего общего с русским подстрекательством.

32 General Duhamel, *"The Road to India"*; Sir Louis Mallett, *"Historical Summary of the Central Asian Question"*, April 30, 1874. Оба документа опубликованы в: IOR Confidential Memoranda, L./P&S/18/C9.

33 Yapp, *Strategies of British India* (1980) 439-440; Gerald Morgan, *Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810 -1895* (London: Frank Cass, 1981), 56-58, 103-106. (С. М. MacGregor, *Defence of India* (Simla, 1884).

34 С.Т. Marvin, *The Russians at the Gate of Herat* (New York: Scribners, 1885); А.Е.Снесарев. Афганистан... стр. 192, 219. О критике идеи Роулинсона о Герате как о воротах в Индию см. в: G.J. Alder, *"The Key to India? Britain and the Herat Problem, 1830 - 1863,"* Middle Eastern Studies 10/2-3 (1974), 186-209, 287-311, and *British India's Northern Frontier 1865-1895* (London, 1963).

35 H.C. Rowlinson, "Memorandum on the Central Asian Question", July 20, 1868, IOR: L/P@S/18/C3; см. также Rowlinson *England and Russia in the East. Political and Geographical Condition of Central Asia* (London: John Muray, 1875), 294-295.

36 А.Е.Снесарев. Англо-русское соглашение, 1907 г., стр.14;

П. Н. Савицкий. Геополитические заметки по русской истории. — в: Г.В. Вернадский. Начертание русской истории. Прага, 1927, стр. 254-260. Можно полагать, что серьезные пережитки навязчивых идей о Герате повлияли на процесс принятия решений советским руководством в 1979 г., кульминацией которого стало вторжение в Афганистан в конце того же года. Хотя прямых свидетельств об этом в советских источниках не имеется, есть много признаков, что Советы были весьма возмущены антирусским восстанием в Герате в середине марта 1979 г., когда были убиты советские советники и члены их семей. В отместку эскадрилья советских бомбардировщиков и многочисленный военный персонал помогли просоветским афганским войскам подавить мятеж. См. E. Giradet, *Afghanistan: The Soviet War* (New York: St. Martin's 1985), 115-116.

37 А.Л. Попов. От Босфора к Тихому океану. — "Историк-марксист", т.3, № 37. 1934, стр. 15-16.

38 "Indian Officer," *Russia's March Towards India* (London, Sampson Low, 1894), II:79-100; G.N. Curson, *Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question* (London: Longmans Green, 1889), 307, 322-330. В феврале 1877 г. некто полковник Матвеев был послан русским генеральным штабом на разведку будущей линии снабжения русских войск в случае их продвижения от Герата на Пенджаб. Исследование Матвеева через несколько лет было опубликовано в "Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии" (Императорский Генеральный штаб, т.5); Warren Walsh, *"The Imperial Russian General Staff and India; A Footnote to Diplomatic History"*, *The Russian Review* 16/2 (April 1957), 53-58.

39 *General Staff: The Military Resources of the Russian Empire* (1907), 188, секретный материал War Office Records: WO 33/419.

40 *Soviet Military Power, 1988* (Washington: Department of Defense).

41 John Erickson. *The Soviet High Command*, N.Y., St. Martin's Press, 1962.

42 P.H. Vigor. *The Soviet Blitzkrieg Theory*. London. McMillan, 1983. 102-121.

43 A. Lobanov-Rostovsky. *Russia and Asia*, N.Y., McMillan,

1933, 295.

44 Cuzson, *Russia 1889*, 313-323.

45 А.Л.Попов. Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897-1905 гг. — "Красный архив", т.19, 1925, стр. 53-63.

46 См. примечание 32.

47 См. примечание 38.

48 R.L. Melke, "Max Freiherr von Oppenheim: Sixty Years of Scholarship and Political Intrigue in the Middle East," *Middle Eastern Studies* 9 (1973), 81-93.

49 F. Fisher, *Germany's Aims in the First World War*. (New York: Norton, 1967), 121.

50 T.G. Fraser, "Germany and Indian Revolution, 1914-1918," *Journal of Contemporary History* 12 (1977), 255-272.

51 F. Fischer, *Germany's Aims* (1967), 126.

52 Ulrich Gehrke, *Persien in der deutschen Orientpolitik während des Ersten Weltkrieges* (Stuttgart: Kohlhammer, 1960), I:23 - 5; и, Hauner, *India in Axis Strategy* (London and Stuttgart: Klett-Cotta, 1981), 161, 166, 236.

53 W.O. von Hentig, *Mein Leben eine Dienstreise* (Göttingen, 1962); O. Von Niedermayer, *Im Weltkrieg vor Indiens Toren* (Hamburg, 1942); R. Vogel, *Die Persien-und-Afghanistan-expedition Oskar Ritter v. Niedermayer 1915/16* (Osnabruck, 1976), см. также частные материалы Хентига: *Aufzeichnungen 1934-1969*, 3 vols., Institut für Zeitgeschichte, Munich.

54 Gehrke, *Persien* (1960), I: 137.

55 M. Hauner, "The Professionals and Amateurs in Nazi Foreign Policy: Revolution and Subversion in the Islamic and Indian World." в *The Führer State — Myth and Reality. Studies on the Structure and Politics of the Third Reich*, ред. L. Kettenacker (London and Stuttgart, 1980), 305-328; D. Dignan, *The Indian Revolutionary Problem in British Diplomacy 1914-1919* (New Delhi: Allied Publisher, 1983).

56 См. примечание 54. К моменту Октябрьской революции в России находились более 2 млн. военнопленных, в основном из Австро-Венгрии; в Туркестане к середине 1918 г. их численность оценивалась в 41 тыс. человек. В Сибири до 75% большевистских сил составляли иностранные подданные. См. V. M. Fric, *The Bolsheviks and the Czechoslovak Legion* (New

- Delhi: *Abhinav*, 1978), I:128-32; Alexandr G. Park, *Bolshevism in Turkestan* (New York: Columbia University Press, 1957), 20-21.
- 57 По: *Journal of the Royal Central Asian Society*, vol. 6 (1919), 3-11, 119-136; vol. 7, (1920) 42-58; vol. 8 (1921), 46-69; vol. 9 (1922) 96-110.
- 58 W. Baumgart, *Deutsche Ostpolitik. 1918* (Vienna: Oldenbourg 1966).
- 59 См. примечание 60. Цит. по: L. C. Dunsterville. *The Adventures of the Dunsterforce* (London: Cape 1920); F.M. Bailey. *Mission to Tashkent* (London, Cape, 1946). Цит. по "The Future of Russian Central Asia," A Memorandum of the India Office, Dec 3, 1918, IOR: L/P&S/18/C, 186.
- 60 Анонимный автор, "Russia, Germany and Asia," *The Round Table* 8 (1917-1918), 526-564.
- 61 Mustafa Chokaev, "Turkestan and Soviet Regime," *Journal of the Royal central Asian Society* 18 (1931), 403-420.
- 62 Ikbali Ali Shah, "The Federation of the Central Asian States," *Journal of the Royal Central Asian Society* 7 (1920) 29-49; L. W. Adamiec, *Afghanistan 1900-1923. A Diplomatic History* (Berkeley: University of California Press, 1967), 108-168.
- 63 Essad Bey, *Die Verschwörung gegen die Welt* (Berlin, 1932); Azade-Ayse Rorlich, "Fellow Travellers: Enver Pasha and the Bolshevik Government 1918-1920," *Asian Affairs* (October 1982), 288-296.
- 64 Alexandre Bennigsen and S.E. Wimsbush, *Muslim National Communism in the Soviet Union. A Revolutionary Strategy for the Colonial World* (Chicago: University of Chicago Press, 1979).
- 65 Почему испанский термин "реконкиста" подходит здесь больше всего, убедительно показано в работе Ги Имарта (Guy Imart) *The Limits of Inner Asia: Some Soul-Searching on New Borders for an Old Frontier-Land* (Bloomington: Indiana University, 1987), 14.
- 66 Цит. по: Ю. С. Ахтямова. *История Бухарской Народной Советской Республики 1920-1924 гг.* Ташкент, 1976, стр. 467.
- 67 Richard Pipes, *The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism 1917-1923* (Cambridge: Harvard University Press, 1954), 174-184.
- 68 Dietrich Geyer, *Die Sowjetunion und Iran 1917-1954* (Tubingen: Bohlau, 1955), 14-16.
- 69 G. Fraser, "Basmachi," *Central Asian Survey* 6/1&2 (1987),

1-73, 7-42. Наиболее убедительным исследованием о положении русского меньшинства в Средней Азии в годы революции является работа Д. В. Ярошевского (D. V. Yaroshevsky) "Russian Regionalism in Turkestan," *Slavonic and East European Review* 65/1 (1987), 77-100.

70 "Конгресс народов Востока в Баку", сентябрь 1920 г. Стенографический отчет; Р.А.Ульяновский и др. Коминтерн и Восток., М., 1969, гл.2.

71 M.N. Roy, *Memoirs* (Bombay: Allied Publishing House, 1964); G. D. Overstreet and M. Windmiller, *Communism in India* (Berkeley: University of California Press, 1955), 33-44.

72 A. C. Bose, *Indian Revolutionaries Abroad* (Patna, 1971); Н. Kapur, *Soviet Russia and Asia, 1917-1923* (Geneva, 1966).

73 E.H. Carr, *The Bolshevik Revolution 1917-1923* (London: Penguin, 1966), III:236-37; Mc Lane, *Soviet Strategies in Southeast Asia* (Princeton University Press, 1966, 9.

74 Carr, *The Bolshevik Revolution* (1966), 238.

75 *The Trotsky Papers, 1917-1919*, ред. J. M. Meijer (The Hague: Mouton, 1964), I: 623-625.

76 А.Е.Снесарев. Афганистан. (1921), стр. 17-19, 188-210, 243.

77 Bennigsen, Wimbush. Muslim National Commission, 1979. pp. 66-

78 G. Minault. The Khilafat Movement. N.Y., Columbia University Press, 1982. pp. 201-207.

79 См. примечание 74; C. McLane, *Soviet Strategies in Southeast Asia*. Op. cit. pp.32-34.

80. См. примечание 28.

81 Prasad, *Defence of India* (1963), 15, 22-28, 28-33, 35-36.

82 Там же; M. Hauner, "The Soviet Threat to Afghanistan and India 1938-1940," *Modern Asian Studies* 15/2 (1981) 287-309.

83 Подробно рассматривается в: Hauner, *India in Axis Strategy* (1981).

84 Kerner, *The Urge to The Sea* (1942); Eugene Schuyler, *Peter The Great, Emperor of Russia* (New York: 1884) II:512-14; John A. Morrison, "Russia and the Warm Waters. A Fallacious Generalization and Its Consequences," U.S. Naval Institute's *Proceedings*, 78/11 (November 1952), 1172-79.

85 Sergey Gorshkov, "Russia's Road to the Sea, Peter I to Napo-

leon". в Red Star at Sea, ред. Herbert Preston (Annapolis: U.S. Naval Institute, 1974). 14.

86 Пример этого: Н.А.Халфин. Присоединение Средней Азии к России. М., Наука, 1965, где этот процесс описывается как "присоединение", а не "завоевание" — в противоположность школе Покровского 30-х годов.

87 Pierce, Russian Central Asia (1960), 184-189; В.Н. Sumner, Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East 1880-1914 (London: British Academy, 1942.)

КОНФЕРЕНЦИЯ О КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ (ВАРШАВА, СЕНТЯБРЬ 1994 Г.)

Герман Шварц (США)

ПОСТАНОВЛЕНИЯ НОВЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ЛЮСТРАЦИИ

Я намерен обсудить одну из самых трудных и болезненных проблем любого переходного периода: как новое общество должно относиться к грехам и злоупотреблениям былых времен. При этом я затрону некоторые спорные вопросы, связанные с конституционным статусом экономических и социальных прав.

Заря свободы, которая, как всем казалось, разгорелась над Центральной Европой в 1989 г., принесла с собой мощную волну эмоций, направленных против несправедливостей и преступлений недавнего прошлого. Среди источников этого возмущения не последнее место занимали сведения о том, насколько часто и в каких масштабах коммунистические режимы и их секретные службы прибегали к услугам тайных осведомителей и иных доносчиков, предававших родных и друзей. Эти факты, внезапно оказавшиеся достоянием гласности, для многих обернулись тяжелыми потрясениями, страданиями и даже подлинными трагедиями.

Когда тайное наконец стало явным, в странах Восточной Европы возникло сильнейшее желание немедленно вышвырнуть из коридоров власти всех виновников этих мерзостей — от высших чинов до простых исполнителей. Это объяснялось как естественным человеческим стремлением к отмщению и воздаянию, так и вполне реальными опасениями, что если эти люди сохранят былые посты, они будут саботировать усилия реформаторов. Коммунистические и некоммунистические партии, ненавидимые обществом и утратившие почти всякое влияние, лишь в слабой степени могли